

Знаменитый джазмен 60-х играет сегодня на московских улицах. И счастлив

ные», и вы, простите меня, как живое воплощение фантазий художника.

— Эльдару Александровичу тогда кто-то сказал: «Матвеев играет на улице». Он пришел. Я ему очень благодарен за эту встречу. Она меня как бы вывела из небытия.

— Вы ведь снялись у него в «Карнаваль-ной ночи»?

— Да, это был его первый фильм и мой единственный. Я сыграл самого себя — молодого, счастливого. Вот фотография, посмотрите. Замечательное было время...

— Вы тогда играли в биг-бэнде у Эдди Рознера, с которым и снимался фильм?

— Да. Я пришел к Рознеру в 1954 году. Он только что освободился из заключения. Разнеслось — Эдди Рознер создает оркестр. А я в хоре Пятницкого играл на ложках, звучало смешно — джазмен из хора Пятницкого. Помню, он посмотрел и сказал: «Беру». В этом знаменитом оркестре я обрел мастерство, известность, стал артистом. Сам замечательный музыкант и артист, он и от нас требовал отдачи сполна. Всю жизнь помню его слова: «Борис, на сцене всегда надо создавать видимость первого концерта. Та пуб-

двадцать. Кстати, один из воспитанников — известный композитор и пропагандист джаза Юрий Саульский. Вот тогда-то и началось увлечение джазом. Учиться было не у кого и негде, поэтому оставался эфир. Включай приемник — эфир тогда был чистый — и слушай всю ночь. Так я познакомился с творчеством выдающихся американских джазовых коллективов. Особенно меня интересовали барабанщики. Но ведь барабанщиков только слушать мало. Надо видеть руки. Обязательно! Руки — это главное. В то время в Союзе работал Ла-ци Олах, он приехал к нам из Чехословакии с оркестром Цитлера, здесь влюбился в женщину и остался. Он долго работал у Цфасмана, потом имел свой коллектив, и вот этот музыкант владел западной школой игры на барабане. Я ходил в кинотеатр «Художественный», где он одно время играл, — смотрел, что-то схватывал и в течение нескольких месяцев скопировал его. Так что всю жизнь я пользовался школой Ла-ци Олаха. Очень любил американского барабанщика Джина Круппа. Он был моим кумиром. Правда, увидеть его мне довелось лишь недавно по телевизору в каком-то клипе. До сих пор, когда прихо-

но... развил себя как артист. Пришло время, вспомнил и вернулся к джазу, как видите.

— Вас часто приглашают на концерты?

— Бывает. И иностранцы, особенно американцы, и наши бизнесмены. Недавно получил приглашение на участие в джазовом фестивале, который организует Юрий Саульский.

— Борис Васильевич, вы о чем-нибудь мечтаете?

— Когда-то очень хотел сыграть в Америке. Не пришлось. Думаю, что американцы меня бы оценили. А сейчас мечтаю купить автомобиль. На два колеса уже накопил. Так что слухи о наших заработках очень преувеличены. Разве что на бензин хватает.

— А слухи о ракете, который обирает музыкантов и прочих свободных художников?

— Пока Бог миловал. Однажды, правда, пистолетом угрожали — рядом на Арбате устроился цыган с песнями, и оркестр ему мешал, — но обошлось. Мы стараемся ни с кем не связываться. Но, знаете, об этом и говорить не хочется: никакой романтики в том, что мы музыканты — а у нас очень хороший профессиональный состав, — нет. Музыканту нужны зал, сцена, зрители, нужна достойная артиста жизнь. Как-то в очереди я услышал от одной женщины: «Оказывается, при коммунизме мы уже жили».

— Вы мрачно настроены.

— Нет, я все-таки был счастлив. Я и сей-

Борис МАТВЕЕВ:

"Я извлекаю музыку из стука"

В фильме «Зимний вечер в Гаграх» есть такой эпизод. Бывший танцор-четотчик, давно покинувший эстраду, — его играет Е. Евстигнеев, — смотрит телевизор, где на экране он — молодой, в танце... Кончаются кадры ролика, и ведущий говорит о бывшей славе этого артиста и со скорбным лицом извещает: «К сожалению, он умер». А наш герой, подавшись вперед, восклицает: «Нет, я жив!».

Нечто подобное произошло недавно в жизни знаменитого музыканта, джазмена Бориса Матвеева. Покинув в свое время большой джаз, так и не дождавшись звания заслуженного (документы его где-то застряли в канцелярии министерства), Борис Матвеев вышел с оркестром на улицу. Потом перенес инфаркт (среди музыкантов разнеслось: «Боря умер»). Нет, не умер, перемогся и снова вернулся в уличный оркестр на Арбате. К своим ребятам. К слушателям. К джазу, о котором когда-то сказал: «Умрет джаз — умру и я».

— Как видите, джаз жив, и я существую... Но вообще-то интерес к джазу пропал. Остались сны, и они состарились вместе с джазом. В этой музыке потеряно главное — диалог со слушателями. Есть, конечно, блестящие профессионалы, виртуозы, но всенародный интерес пропал. А все эти эксперименты по извлечению каких-то непонятных звуков, все это философствование в музыке еще более отдаляет джаз от людей. Нет-нет, диалога не получается...

— И тем не менее вы ведь каждый день выходите на улицу и собираете порой толпы людей, у вас есть поклонники...

— Поклонники есть. Даже в больнице навещали, когда заболел. Но мы ведь играем классические вещи, например, Гленна Миллера. Эту музыку помнят и любят. Останавливаются и слушают. Людям в этой жизни очень нужна вот такая популярная музыка. Знаете, когда начался конец джаза? С приходом битлов. Я помню, услышал этих ребят в Новой Зеландии и был поражен. Они работали на азах, на элементах джаза, но только бросили его вспять. Что ж, у каждого времени своя музыка.

— Борис Васильевич, а как случилось, что вы — известный музыкант, мастер — оказались в уличном оркестре?

— Это произошло шесть лет назад. Пришли ребята, предложили — я тогда был без работы — «Боря, давай». Полгода я сопротивлялся, не мог преступить какую-то грань. Было очень трудно выйти на улицу: я опускал глаза, пытался надевать темные очки, хотел приклеить усы, загримироваться. Артистическая среда этот мой поступок восприняла резко отрицательно: меня унижали, стыдили, смеялись. А я... я почувствовал прелесть заработка. Немного, но чистые и честные деньги. Тогда 30—35 рублей в день и на хлеб, и на масло хватало. Помню, однажды — мы тогда у ЦУМа играли — какой-то мужчина слушает, потом в разговор вступил, хвалит, спрашивает. Оказалось, начальник комитета по культуре Москвы Бугаев. А у меня там документы на звание лежат. Вот так и познакомились с начальством.

— А я помню, показали по телевизору вашу встречу на Арбате с Эльдаром Рязановым. Только что вышел фильм «Небеса обетован-

дится играть для иностранцев, слышу: «О, рашэн Круппа». Недавно после одного концерта для американцев — они снимали здесь фильм — мне даже подарили майку с его изображением.

— А как сложилась ваша жизнь после того, как вы покинули оркестр Эдди Рознера? Кстати, почему вы от него ушли?

— Я ушел к Кобзону, который тогда создавал свой коллектив. А почему? Почувствовал, что отстаю...

— От чего?

— От развития джаза и решил уйти неразвенчанным королем. Это во-первых, а во-вторых, хотелось заработать. В оркестре мы ведь очень мало получали — 120—130 рублей. Так что решил: пусть будет по-ленински — два шага назад и шаг вперед.

Каждая гастрольная поездка с коллективом Кобзона давала ощутимый заработок: купил машину, квартиру, дачу. Потом совсем покинул оркестр и создал с женой, Ниной Кургановой — она тоже музыкант, когда-то работала в Большом, — свой номер, с которым мы работали на эстраде 20 лет. Все эти годы делал то же, что и в оркестре Рознера, но в миниатюре. Так с барабаном по жизни и прошагал. Конечно, за годы работы на эстраде я что-то утратил, засорил себя как музыкант,

час счастлив, потому что мне удалось сделать невозможное — извлечь музыку из стука и заставить людей слушать барабан, как можно слушать виолончель или скрипку.

Елена СЛОБОДЧИКОВА.

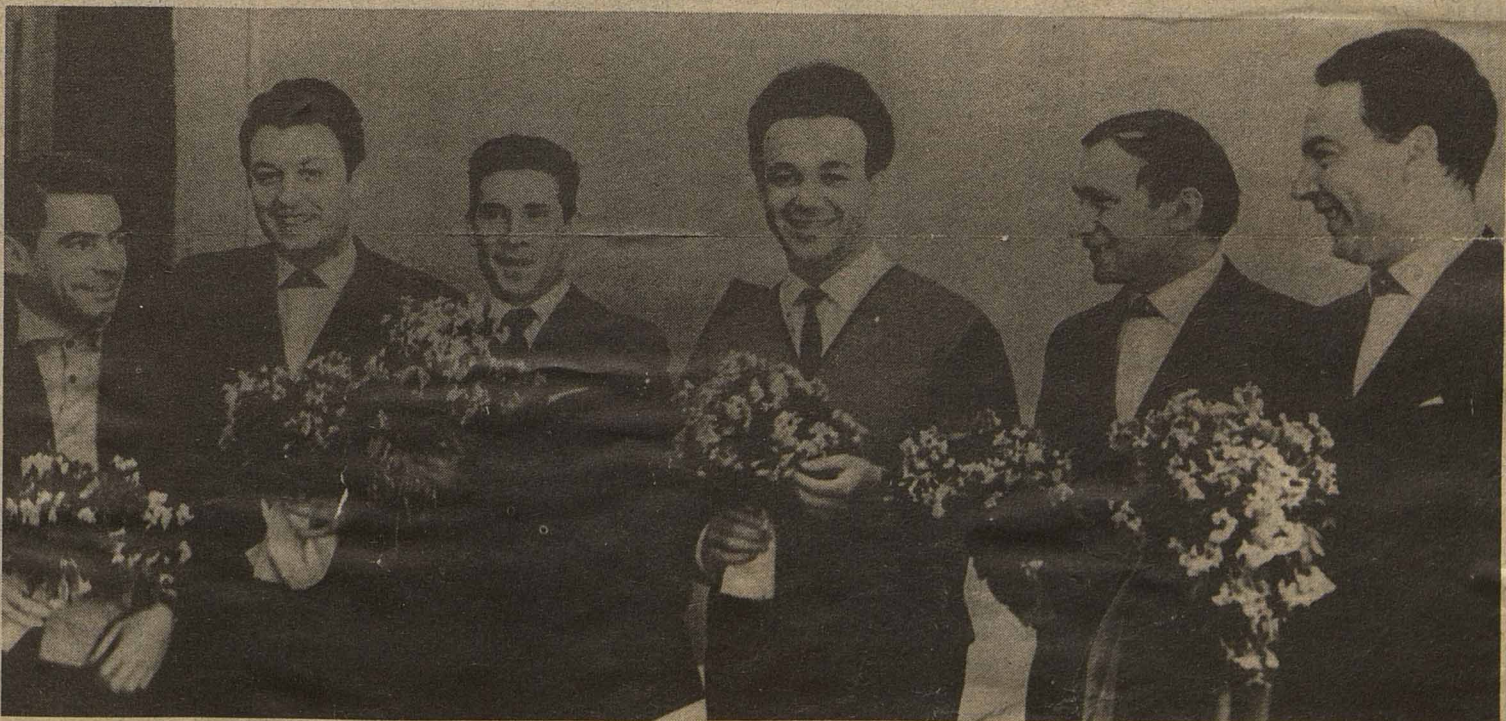
Р. С. Когда материал готовился к печати, мы узнали, что Борис Матвеев стал заслуженным артистом России. «ВК» поздравляет Бориса Васильевича и желает ему долгих творческих лет и здоровья.

Фото из архива Б. Матвеева.

Как молоды мы были...

Кадр из фильма «Карнавальная ночь».

Снимок на память после концерта. Грозный, 1965 г.

Б. Матвеев (второй слева).